Крылья колдуна

Автор:
Ольга Ярошинская

Крылья колдуна

Ольга Ярошинская

Наглый, упертый и рыжий… бесит! Матильда случайно откопала его в прямом смысле слова полтора года назад и теперь не знает, куда от него деваться. А рыжий колдун, проведший больше века в гробу, твердо намерен отблагодарить свою спасительницу и не дает сделать без него ни шагу. Орден отправляет их на задание – узнать, почему над пансионом для девочек, расположенным в глуши, выпал рыбный дождь. Но колдуна куда больше интересуют тайны Матильды, которые она не намерена раскрывать.

Ольга Ярошинская

Крылья колдуна

То, что могила не простая, Тиль поняла сразу: в изголовье развесила алые гроздья старая кривая рябина, в ногах растет осина. Церковь и заброшенное кладбище в нескольких километрах отсюда, значит, хоронили даже не за оградой. Какой из этого можно сделать вывод?

– Тут кости ведьмы или колдуна, – сказала Тиль, осматривая едва намеченный холмик, заросший жухлой травой.

– У, – сказал Ульрих и вопросительно поглядел в сторону серого джипа, припаркованного на обочине дороги.

– Надо копать, – подтвердила Тиль, запахнув плотнее плащ.

Морось осела на волосах, и они распушились от сырости. Заправив прядь за ухо, Тиль посмотрела на сизые тучи, набрякшие прямо над головой и грозящие пролиться полноценным дождем, и перевела взгляд на Ульриха, вынимающего из багажника лопату.

– Что бы я без тебя делала, – искренне сказала она.

Влага оседала бусинками на бугристой лысине тролля и, собираясь в капли, стекала по короткой красной шее за воротник стеганой куртки. Тиль мысленно сделала пометку – купить Ульриху новую куртку. Эта начала расползаться по швам, на локтях уже видны потертости.

Взрезав побуревшую траву, лопата вошла в землю до самого древка. Ульрих работал быстро и споро, холм рыжеватой грязи рос на глазах, а яма быстро углублялась.

– Землю с этой могилы использовали для порчи, – пояснила Тиль Ульриху. Вряд ли тролль понимал много, но ей иногда нравилось проговорить вслух то, о чем она думала, а при наличии собеседника, пусть и такого молчаливого, это не выглядело странно.

– У! – выдохнул Ульрих, отбрасывая лопатой очередную порцию грязи.

– Рецепт стандартный, но результат получился странный. Жертва обратилась в больницу с жалобами на острую боль в желудке, а потом ее вырвало древесными лягушками.

Ульрих перестал на мгновение махать лопатой и посмотрел на Тиль крохотными глазками, едва видными под нависшими надбровными дугами.

– Инцидент удалось замять, нежелательного внимания прессы мы тоже избежали. Жертва в порядке. Рыжая, фигуристая, такие вечно кому-то поперек горла, – вздохнула Тиль. – Но это ладно. Пострадала и та, что наводила порчу. Она не ведьма, нашла рецепт, оставшийся от прапрабабки, сгоревшей на костре инквизиции. Могилу тоже отыскала по ее записям. Считается, что при порче от

неупокоенной души результат мощнее. Вот и получила.

– У?

– Чуму, – ответила Тиль. – Она выжила, но колдовать это ее отучит, надеюсь. В любом случае лучше сжечь эти кости, мало ли. Хватит нам одной вспышки бубонной чумы в Эйлентае.

Лопата звякнула обо что-то металлическое, и Ульрих остановился. Тиль подошла к краю могилы, комья земли осыпались на крышку гроба, расчищенную троллем.

– Любопытно, – протянула Тиль, – железный гроб. Постой-ка!

Опершись на плечо тролля, она спрыгнула вниз. Стянув перчатку, вынула из кармана платок и протерла запирающий знак, выдавленный в металле – три петли, перетекающие друг в друга. Пробурчав что-то нечленораздельное, Ульрих подсадил Тиль наверх и продолжил работу.

– Ставлю на колдуна, – сказала Тиль, нетерпеливо притоптывая ногой в сапожке из светлой кожи, замаравшемся в грязи. – С ведьмами так не церемонились. Открывай же!

Будто нарочно, чтобы испытать ее терпение на прочность, Ульрих выбрался из раскопанной могилы, не спеша прошествовал к машине, достал из багажника лом и такой же прогулочной походкой вернулся назад. Ему пришлось повозиться: тролль пыхтел и мычал, но вскоре подцепил тяжелую крышку, и приржавевшее железо со скрежетом сдвинулось в сторону. Ульрих схватился за край пальцами и, оторвав крышку гроба, поднял ее на край могилы. Тиль запахнула лицо воротом плаща, готовясь к волне смрада, но запах оказался терпимым – воняло гнилыми тряпками и сыростью. От Ульриха, вспотевшего из-за махания лопатой, несло куда хуже, и Тиль мысленно ужаснулась перспективе возвращаться домой в одной машине с троллем. Разглядев картину, что открылась внизу, она отпустила воротник, глаза ее расширились.

– Ух ты… – прошептала Тиль и снова спрыгнула вниз.

Ульрих попытался ее вытолкать, но она повелительно указала ему наверх, а сама присела у почерневшего иссохшего тела, обмотанного толстыми цепями.

– Бедняга был жив, когда его похоронили, – пробормотала чуть слышно. – Ужасная смерть.

Тролль угрюмо молчал, глядя на нее сверху вниз.

– Мужчина. Видимых увечий нет. Одежда практически истлела, но, скорее всего, он занимал высокое положение в обществе.

Тиль осторожно прикоснулась к массивному серебряному перстню на хрупкой фаланге, оторвала уцелевший лоскуток обивки гроба и растерла его в пальцах – бархат.

– Неси цистерну, – приказала она Ульриху, топтавшемуся у края. – Останки на удивление хорошо сохранились, – заметила вслух, хотя тролль скрылся из виду. – А ведь тело лежит тут никак не меньше сотни лет.

Тиль аккуратно переместилась ближе к изголовью гроба. Стараясь не изгваздать светлый плащ, присела.

– Прикус слегка неправильный, нижние резцы кривые, – пробормотала она, склонившись над оскалившейся мумией. – Но зубы в отличном состоянии. Скорей всего, тебе не было и тридцати.

Взгляд ее переместился к ржавым цепям, опутывающим скелет.

– Боюсь, нам никогда не узнать, что ты натворил. – Тиль заглянула в пустые глазницы и прошептала. – Сейчас ты обретешь покой, колдун.

Тяжелые шаги Ульриха приближались, а Тиль все вглядывалась в черную глубину глазниц, будто пытаясь выведать последние секреты мертвеца, когда мумия вдруг дернулась и ее зубы клацнули у самой щеки женщины. Взвизгнув, Тиль отшатнулась, запрыгнула наверх ловко, как белка.

– Он живой! – воскликнула она. – Живой!

– У? – Ульрих невозмутимо посмотрел на нее, держа в лапище цистерну с бензином.

Тиль осторожно подошла к краю могилы, глянула вниз.

Мумия едва заметно подергивалась, тяжелая цепь провалилась до позвоночника, сломав хрупкие нижние ребра.

Тиль жестом остановила тролля, судорожно пошарила в кармане плаща и вынула телефон.

– Шеф, у нас чепэ, – выпалила, дождавшись ответа. – Высылайте команду.

* * *

Она сидела в машине, когда послышался шум вертолетных лопастей. Хищная металлическая птица опустилась неподалеку, оранжевые фигурки людей поспешили вверх по холму. По крыше машины барабанил дождь, который все же вспорол брюхо тучи и теперь лил как из ведра, окна запотели от дыхания тролля. Тиль включила дворники, и они шустро заработали, смахивая воду с лобового стекла.

Два оранжевых человечка выпрыгнули из вертолета и потащили на холм носилки.

– Пристегнись, – сказала Тиль троллю, который сидел сзади. – Нам здесь больше нечего делать.

* * *

Полтора года спустя

Роберт Тавриди сидел на стуле в кабинете мануального терапевта и чувствовал себя крайне неуютно. Стул был комфортным – мягкое сиденье, удобный наклон спинки. Освещение не раздражало глаза. На белых стенах в черных рамках

фотографии, на которые хочется смотреть, хотя ничего там особенного нет: берег моря, по которому ходит толстая важная чайка, цветущий луг, солнце, встающее из-за гор.

Однако Роберта что-то терзало.

Он смотрел, как женщина-врач разминает спину его сыну. Маленькие руки с коротко остриженными ногтями скользили, нажимали, надавливали. На незагорелой коже Тима расцветали красные пятна, но сын молодец – не плакал, терпел. Первые сеансы были ужасными: вопли, сопли, слезы. Жена отказалась водить Тимку, не выдержала. Зато когда Тим увидел результат, когда спина его выпрямилась, лопатки развернулись, а сам он будто мгновенно подрос сантиметров на десять, все нытье прекратилось.

Мужчина поерзал на стуле, разглядывая врача. Он ведь не поверил, когда та сказала, что поможет. Приготовился к очередной пустой трате денег. Если уж лучшие хирурги оказались бессильны, что сможет мануальный терапевт, который к тому же выглядит как школьница, напялившая белый халат?

А вот не обманула.

Он даст ей денег – осенило Роберта. Больше, гораздо больше того, что указано в прейскуранте. Мысль эта сразу принесла облегчение, и он выдохнул. Вот что терзало его – явное несоответствие результата и оплаты. Наверняка девчонка не имеет права устанавливать цены выше – тарифы на медицинские услуги строго регулируются. Но раз уж она сотворила чудо, так пусть получит достойное вознаграждение. Поначалу Роберт приписал к счету нолик, но, прикинув в уме, стер его и утроил сумму. Пусть купит себе новые туфли, снисходительно усмехнулся он. Ноги врача в скромных светлых лодочках на низком каблуке оказались стройными, с красиво очерченными лодыжками.

Мысли мужчины потекли в другом направлении, и он снова поерзал на стуле. Совсем не похожа на его жену – крупную рыхловатую брюнетку, на которой он женился в основном из-за покладистого характера. А эта явно с норовом, хоть и малышка. Губки сочные, глазки синие. Волосы, светлые и прямые как солома, собраны в смешной жеребячий хвостик. Если их распустить, будут чуть длиннее плеч. А если снять халат…

– Мы закончили, – резко сказала девушка, обрывая его фантазии. – Одевайся, Тим.

Она села за стол и, вынув бланк, принялась быстро на нем писать. Матильда. Слишком солидное имя для такой девчонки. Он бы звал ее Тильдой, Тилькой… Нет, похоже на рыбу. А она скорее напоминает птичку – круглое личико, остренький носик. Лучше просто – Тиль. Он мог бы снять ей уютную квартирку где-нибудь на окраине, чтобы не столкнуться со знакомыми, баловать безделушками…

– Тим, подожди в приемной, – попросил он сына.

– Спасибо, Матильда, – сказал тот врачу, и в ломком подростковом голосе вдруг прорезался вполне мужской бас.

– Тебе спасибо, Тим, – улыбнулась она. – Ты отличный пациент, и, надеюсь, моя помощь тебе больше не понадобится. Я напишу рекомендации, постарайся их выполнять.

Тим кивнул, отчего темные волосы упали на глаза, и Роберт снова почувствовал раздражение. Сын изменился не только физически: отрастил волосы, по вечерам стал мучить гитару, нашел новых друзей, хотя старых и не было… Но за раздражением проступало и новое чувство – он вдруг начал осознавать, что сын – отдельная личность, не его часть, и даже не копия, ведь куда больше тот походил на мать.

– Я бы хотел отблагодарить вас, – вспомнил Роберт о своем решении. Заплатит в два раза больше – и хватит. Не стоит так сразу ее баловать. Он незаметно втянул живот и попытался придать голосу томность. – Я закажу столик в «Риверсайд», где мы сможем спокойно обсудить ваше вознаграждение… – мужчина потянулся, попытавшись коснуться ладони девушки, но Матильда как назло выпрямилась на стуле, положив руки на колени, – а также дальнейшее сотрудничество…

– Вы уже оплатили лечение, курс закончен, – сухо сказала она. Синие глаза смотрели холодно, как осколки льда. – Однако если вы не изменитесь, сколиоз действительно может вернуться.

– Что? – ошарашенно переспросил Роберт, чувствуя, как кровь бросилась в лицо. В висках гулко застучало. Снова? Пройти через все это снова?

Матильда протянула ему лист, исписанный убористым почерком.

– Это передадите Тиму. Общие рекомендации по спорту и питанию. А теперь перейдем к вам. Утром, натощак, сразу после того, как Тим просыпается, говорите ему: «Доброе утро, сынок, сегодня тебя ждет чудесный день».

– Прямо так и говорить? – Роберт попытался сказать это насмешливо, но получилось растерянно и жалко.

– Вы хотите, чтобы ваш сын был здоров? – рявкнула девушка так неожиданно, что он подпрыгнул на стуле. – Вы любите его?

– Да, конечно, – опешил он.

– Возможны варианты, – подобрела врач. – «Новый день для чемпиона», «отличное утро»… Хотя бы – «привет, сын, как спалось?». Потом, в обед, если у вас нет возможности его увидеть, звоните ему по телефону.

– А эсэмэс?

– Не подходит, – отрезала она. – Только живой голос. Спрашиваете, как прошел день в школе. Внимательно слушаете. Находите, за что похвалить – и хвалите.

– А если не за что? – встрепенулся Роберт.

Матильда посмотрела на него в упор, и он, не выдержав, отвел глаза. Как можно было принять ее за вчерашнюю школьницу? Рыбка? Птичка? У нее взгляд как у матерой волчицы!

– Вечером, перед сном, обнимаете его, целуете и говорите, что любите, – продолжила женщина.

– Вы все это серьезно? – спросил он.

– Тим – подросток, – сказала Матильда. – Возраст опасный, ему очень нужны ваша поддержка, любовь и забота. А вот если вы снова станете давить на него, мы получим рецидив искривления.

Она звонко шлепнула печать на желтый бланк, и Роберт, вздрогнув, взял протянутый лист, встал.

– Спасибо, – буркнул, направляясь к двери.

– Пожалуйста, – ответила Тиль. – Позовите следующего.

Когда Роберт вышел из кабинета, рецепт в его руке мелко дрожал. Вот же сучка! Что она себе позволяет? Таким тоном! С ним! Надо будет позвонить кое-кому, чтобы потрясли хорошенько отчетность в этой шарашкиной конторе… Сын поднялся со стула, и страх за его здоровье затмил все остальные эмоции. Роберт аккуратно сложил бланк пополам и спрятал в портмоне. Неловко приобняв Тима за плечи, повел его к выходу, буркнув мужчине, дожидающемуся приема, что тот может проходить.

Матильда закрыла глаза и потерла веки. Она чувствовала себя опустошенной и одновременно полной удовлетворения от проделанной работы. Тиль помнила, как ей захотелось плакать, когда она впервые увидела Тимку – угрюмого горбуна, подталкиваемого в ее кабинет суровым папашей. Мать, полная брюнетка с вечно заплаканными глазами, исчезла после первого же сеанса. Зато отец приводил мальчика на каждый массаж, не опаздывая ни на минуту. Неприятный тип. Высокомерный, наглый, недалекий. Но он искренне любит сына, так что Тиль надеялась, что больше никогда их не увидит. Она и так совершила несколько магических вмешательств, вытягивая позвонки Тима, и Рем был недоволен. Рем закрывал глаза на все влияния не выше пятого уровня, но такими позвоночник не выпрямишь.

Она открыла блокнот и сверилась с расписанием. Сейчас должен прийти новый пациент. Боли в спине, головокружение – стандартные жалобы. Его голос по телефону ей понравился – приятно низкий, но без нарочитой хрипотцы, или, упаси боже, бархатных интонаций. Все четко и по делу.

Короткий стук – и пациент вошел в кабинет. Быстро оглядев скромную обстановку и ненадолго задержав взгляд на фотографиях на стене, он подцепил стул, сдвинутый толстым папашей Тима, и, поставив его напротив стола, уселся, закинув пятку на колено.

Казалось, ему трудно усидеть на месте. Пациент побарабанил пальцами по столу, схватил ручку и, рассмотрев, положил ее обратно, потом уставился на Тиль.

– Откройте жалюзи, – то ли попросил, то ли потребовал он, и Тиль нажала кнопку на пульте. Ей самой хотелось получше рассмотреть его лицо, а тени от мягкого света ламп искажали черты.

Высокий лоб, слегка вьющиеся русые волосы с заметной рыжиной, щетина, пробивающаяся на подбородке, еще рыжее. Нос прямой, правый уголок губ чуть приподнят, будто мужчина сдерживает улыбку. Цвет глаз не разобрать: то ли серые, то ли голубые. Слишком худой, пожалуй: майка с ярким принтом висит на плечах, как на вешалке. Возраст… Тиль нахмурилась. Возраст определить не получалось. Гладкая чистая кожа, ни намека на морщины, хотя мимика у пациента довольно подвижная, но что-то заставляло сомневаться, что он так уж молод.

– И окно откройте, – добавил мужчина. – Пожалуйста.

Матильда недоуменно приподняла бровь:

– Вы серьезно? Март на дворе.

– Если вас не затруднит, – церемонно произнес он и улыбнулся совершенно мальчишеской улыбкой, от которой на щеках появились ямочки.

Матильда пожала плечами и, встав, приоткрыла окно. Мужчина вдруг оказался рядом и распахнул его полностью. Свежий ветер ворвался в кабинет, зашуршал бумагами, принес с собой птичий гомон и тот неповторимый запах, который ощущается скорее сердцем – обещание весны и новой жизни.

– На что жалуетесь? – автоматически спросила она, повернувшись к пациенту и уткнувшись ему в грудь.

Что-то в нем выбивало из колеи. Внешне довольно безобидный высокий молодой мужчина с обаятельной улыбкой. Симпатичный, хотя Матильда не любила рыжих. Мелькнула мысль позвать Ульриха, который сидел в приемной, но прямой угрозы Тиль не чувствовала. Глаза пациента оказались серыми, в правом выделялся голубой сектор радужки. Частичная гетерохромия, ничего особенного. Может, все дело в разных глазах?

Мужчина молчал, тоже внимательно рассматривая ее. Его взгляд скользнул по ее губам, шее, задержавшись в вырезе белого халата, поднялся к виску, над которым вечно торчал непослушный вихор. Он аккуратно заправил прядь ей за ухо, не коснувшись кожи.

– Как вас зовут? – Тиль быстро вернулась за стол и заглянула в блокнот. – Ланс?

– Верно, Матильда. – Ее имя он произнес нараспев, точно наслаждаясь звучанием.

Она кожей чувствовала его взгляд на своей шее, теплый, как солнечный зайчик.

– Раздевайтесь, Ланс, – сухо сказала Тиль. – Я проведу осмотр.

Она встала из-за стола, обойдя его так, чтобы не столкнуться с пациентом, убрала одноразовую пеленку с массажной стойки, обработала ее обеззараживающим средством, слыша шорох снимаемой одежды за спиной. Застелив пеленку, отошла в сторону.

– Ложитесь, – приказала Тиль и повернулась, когда стол скрипнул под весом пациента.

Первый уровень осмотра – самый поверхностный. Она оценила чистоту кожных покровов – несколько родинок на плечах, никакой сыпи. Развитость мышц – ему бы набрать немного. Визуально проблем не видно.

– Вам стоит заняться спортом, – сказала мужчине. – Не на профессиональном уровне, но регулярно. Мышечный каркас слабоват.

– Я решаю эту проблему, – буркнул он, не поднимая головы.

Второй уровень осмотра.

Тиль положила ладонь на основание шеи, закрыла глаза. Как она и предполагала, жизненные токи в Лансе так и били. Такие не страдают грыжами и защемлением нервов. У таких обычно переломы и вывихи.

Тиль положила и вторую ладонь ему на спину. Кожа теплая, даже горячая, русые завитки волос на затылке слегка взмокли и потемнели. Она размяла плечи, провела руками по спине и задержала их.

– Вас что, комбайном переехало? – спросила, не сдержавшись.

Его будто собирали заново: несколько позвонков смещены, в лопатке трещина.

– У вас были сломаны ребра, – сказала Тиль, опуская руки ниже.

– Верно, – пробормотал он. – Продолжайте. У вас такие нежные руки, Матильда.

Тиль угрюмо посмотрела на его затылок. Но руки сами скользили, разминали, исследовали мужскую спину, которая, кажется, нисколько не боялась сквозняков. Когда она спустилась к ягодицам, пальцы Ланса непроизвольно сжали пеленку, и Тиль, бросив взгляд на его руку, отшатнулась, отдернула ладони.

Она уже видела этот перстень. Массивный, серебряный, грубоватый, словно сделанный сотни лет назад.

– Перевернитесь на спину, пожалуйста, – ровным голосом произнесла Матильда.

Он колебался лишь мгновение, потом повернулся, не смущаясь своей наготы.

– Я открыт. Анаэ-таа, – произнес заклинание еще до того, как Тиль попросила, взял ее ладонь и положил себе на солнечное сплетение.

Третий уровень осмотра.

Аура Ланса пылала. Перетекала огненными вихрями, искрилась синими звездами, сияла. Следы магических эликсиров расплывались разноцветными кляксами, слева на груди чернело пятно заклятия на крови – таким, она знала, заставляют биться замершее сердце.

Колдун. Тот самый, чьи кости, обмотанные цепью, откопала Тиль.

Клеймо Рема – золотая печать с закольцованной змеей – сияло на его плече. Значит, колдуна приняли в Орден.

А крылья были огромными. Дымчатые, мерцающие искрами, они стекали энергией за плечами, окутывая мужчину до самых ног. Магический резерв второго уровня, не меньше. Однако прорехи в крыльях такие широкие, будто он недавно колдовал.

– Ну что скажете? Все как надо? – спросил Ланс, приподнимаясь на локтях и глядя прямо ей в глаза.

– Насколько я помню, у вас неправильный прикус, – ответила она. – Заметила, еще когда вы лежали в гробу. Зачем вы пришли?

Ланс сел, прикрыв глаза, с наслаждением наклонил голову к одному плечу, потом ко второму. Крылья за спиной расправились, сыпанув искрами на стены.

Матильда быстро отошла к двери и приоткрыла ее.

– Ваш помощник не понадобится, – сказал Ланс, жмурясь, как разомлевший кот. Действие заклинания ослабевало, и крылья колдуна постепенно таяли, исчезая из видимого мира. – Я не желаю вам зла. Напротив. Я испытываю к вам искреннюю расположенность и глубокую признательность.

– Вот как, – настороженно произнесла Матильда. – Вы могли бы просто сказать «спасибо», зачем раздевались?

– Вы предложили, а я не стал отказывать красивой женщине, – ответил он, ухмыляясь.

– Что ж, теперь я предлагаю вам одеться, – сухо сказала Матильда. Она села за стол, отвернулась к окну. Кто знает, зачем ему понадобилось его открывать, но погода сегодня чудесная: солнце светит, воробьи чирикают как сумасшедшие, ручьи журчат, а дворник оббивает сосульки лопатой, и даже его приглушенный мат кажется верным признаком весны…

– Вы боитесь замкнутых пространств? – догадалась она, повернувшись к Лансу, который уселся напротив.

– Недолюбливаю, – признался тот. – А вот вы, Матильда, понравились мне с первого взгляда еще полтора года назад.

– У вас не было глаз, – возразила она. – Вы не могли меня рассмотреть.

– Я видел вас всей своей сущностью.

– Вы пытались обглодать мне лицо.

– Согласен, неловко вышло, – вздохнул колдун. – Прошу прощения. Сто восемь лет без еды.

– Что ж, для своего возраста и с вашим анамнезом, могу с уверенностью сказать, что вы в отличном состоянии. Благодарность вашу я принимаю. Всего хорошего.

Матильда вежливо улыбнулась и кивнула на дверь.

– Вы освободили меня от пытки, которая длилась больше века. Так легко вы от меня не отделаетесь, – усмехнулся Ланс. – Я хочу по-настоящему отблагодарить вас, Матильда.

– Вы собираетесь исполнить три моих желания, как выпущенный из бутылки джинн?

– Посмотрим, как пойдет, – ответил колдун, скабрезно улыбнулся и многозначительно подвигал бровями. – Может, одно, но три раза.

– Пошел вон! – рассердилась Тиль.

– Мы перешли на «ты»? Поддерживаю! – одобрил он.

– Ульрих!

Тролль, в белом халате напоминающий заснеженную гору с бугристым валуном-головой на вершине, тут же явился, заняв полкабинета, и злобно посмотрел на Ланса.

– Не гони меня, Матильда, – попросил Ланс, покосившись на Ульриха снизу вверх. – Благодарность – новое для меня чувство, я хочу прожить его полностью.

– Технически тебя откопал Ульрих, – сказала Тиль, кивнув на тролля. – Благодари его. Он любит копченую рыбу и Аладель. Ее песни, – добавила на всякий случай. Кто знает, на что готов этот колдун. – Прощай.

Ульрих приподнял Ланса за плечи и повел к выходу.

– Ты хочешь избавиться от меня, – укоризненно произнес тот, оборачиваясь и упираясь пятками в пол.

Ульрих, рыкнув, легко закинул его на плечо и понес прочь.

– А как же – «мы в ответе за тех, кого откопали»? – выкрикнул Ланс, цепляясь руками за дверной косяк.

Тиль помахала пальчиками нежданному гостю и с облегчением выдохнула, когда дверь за Лансом захлопнулась, но тут из приемной послышался шум, звуки борьбы, что-то грузно впечаталось в стену с обратной стороны, так что фотография с чайкой дрогнула и покосилась.

– У меня приказ от Рема! – донеслось до нее.

Тиль побарабанила пальцами по столу.

– Ульрих, неси его назад! – выкрикнула она.

Тролль притащил Ланса и аккуратно сгрузил на стул.

– Спасибо, – пробурчал Ланс, обтягивая майку и косясь на Ульриха. – Кто он такой? – шепотом спросил у Тиль, склонившись над столом. – Великан? Циклоп? Глаза два, но, может, это твоих рук дело?

– Я не вмешиваюсь в созданное природой, – ответила Тиль. – Лишь исправляю искажения.

– Вот потому ты и целитель лишь третьей категории. – Он укоризненно покачал головой.

– Я начинаю понимать тех людей, что обмотали тебя цепями и похоронили в железном гробу, – нахмурилась Тиль. – Другого способа избавиться от тебя нет? Что там за приказ?

Ланс не спеша вынул из кармана джинсов сложенный вчетверо листок, разгладил его на колене и протянул Тиль.

– Новое задание от ковена? – пробормотала она, бегло прочитав письмо.

– Ковен… – задумчиво повторил Ланс. – Маги предпочитают называть свою тайную организацию Орденом. Ты ведьма, Матильда?

– Не твое дело, – огрызнулась она, перечитывая письмо Рема. Перевернув лист, придирчиво всмотрелась в подпись, прикоснулась к ней пальцем, и та на миг вспыхнула.

– Подлинное, – кивнул Ланс.

– Странно, но его подпись будто бы стала длиннее, – сказала Тиль, вглядываясь в потухшую закорючку на бумаге.

– Не только подпись, – глаза Ланса хитро сверкнули. – Кое-что еще. Я решил одну небольшую, я бы даже сказал, крохотную проблему вашего главы… Ты наверняка в курсе, о чем я. Ведь ты числишься его личным врачом. А Рем оказал мне ответную любезность и назначил меня твоим напарником в новом деле. Я теперь вообще его любимчик, – похвастался он.

– Постой… – Щеки Тиль порозовели. – Ты что же… ты ему увеличил… Да что ты себе позволяешь!

Она вскочила, наклонилась к Лансу, опершись ладонями о стол.

– Да ты понимаешь, что даже минимальное искажение физического контура может повлечь непоправимые последствия?! У него поменяется кровоток, изменится сердечный ритм, пусть этого никто и не сможет отследить, но в его возрасте… – Она выдохнула и спросила спокойнее: – Сколько?

– Плюс восемь сантиметров.

Матильда ахнула и прижала ладони к щекам.

– Да у него даже кровоснабжение мозга может ухудшиться! Я уже вижу результат вмешательства! – Тиль скомкала письмо и швырнула его в урну.

– Мы сработаемся, Матильда, – безмятежно улыбнулся Ланс, закинув руки за голову, и потянулся.

* * *

Матильда вытащила две клетки из багажника и понесла их на холм. Ульриха она оставила дома – хотелось побыть наедине с собой, осмыслить произошедшее. Солнце уже клонилось к горизонту, и перья облаков окрасились в розовый. Снег на макушке холма растаял, а внизу еще лежал неопрятными серыми хлопьями, точно перхоть, осыпавшаяся на плечи.

Тиль поежилась, пожалев, что не оделась теплее. Ветер бросал волосы на лицо, забирался под плащ, пальцы покраснели от холода. Она поставила клетки на прошлогоднюю траву и подышала на озябшие руки. Подняв одну из клеток, посмотрела на притихших скворцов. Те теснились на жердочке, распушив черные грудки, усеянные белыми пятнышками, точно мелким жемчугом.

Она купила птиц на рынке у двух мальчишек, одинаково рыжих и уже конопатых, несмотря на то, что весна едва началась. Передавая им деньги, Тиль отправила и мысленный приказ. Магическое вмешательство пятого порядка. Мелочь. Зато эти мальчики больше не станут ловить птиц, а их мама наверняка удивится, откуда у ее рыжих сорванцов тяга к чтению.

Ланс тоже наверняка был ярко-рыжим в детстве.

Тиль раздраженно фыркнула. Не думать о колдуне не получалось, хоть ты тресни.

Она отодвинула нехитрую щеколду на клетке, вынула одного скворца и раскрыла ладонь. Птица быстро вспорхнула, забила крыльями, устремившись к ближайшей рощице. Второй скворец не стал дожидаться и выбрался сам, полетел за другом. Приложив руку козырьком ко лбу, Матильда проследила за двумя тающими черными точками, а затем присела на корточки перед второй клеткой.

Серая сова повернула к ней голову, уставилась умными круглыми глазами.

– Я тебя сейчас выпущу, – пообещала Тиль. – Путь скворцы улетят подальше.

Ветер трепал пестрые перья, сова пристально смотрела на женщину.

– Знаешь, этот Ланс… – выпалила Тиль. Осознав, что разговаривает с птицей, осеклась на мгновение, но потом вздохнула – выглядит сова куда умнее тролля, так почему бы не поговорить? – В общем, бесит он меня! Явился как снег на голову, притащил приказ. – Тиль нахмурилась. – Мне едва удалось уговорить его дать выходные на сборы. Что за задание – не знаю. Расскажет по дороге. Пожаловаться Рему? – Сова тихо заклекотала. – Не хочу ему звонить. Я теперь сомневаюсь в его разумности, после того, что он сделал… К тому же мне не так часто дают задания, и раз Рем решил меня отправить, значит, считает, что я

буду там полезна.

Сова моргнула, соглашаясь.

– Пациентов я передала коллеге. Она простой человек, без магических способностей, но специалист хороший. Сложных случаев нет. А все равно сердце не на месте, – Тиль вздохнула, завозилась с щеколдой. – Не люблю, когда что-то нарушает привычный ход вещей. Как правило, ничем хорошим это не заканчивается.

Щеколда наконец поддалась, и Тиль открыла дверку. Сова выбралась из слишком тесной для нее клетки, доверчиво устроилась на протянутом Матильдой локте. Острые когти продырявили ткань плаща, но Тиль было все равно. Она осторожно погладила спину совы, почесала мягкую шею.

– Лети, – прошептала чуть слышно.

Сова расправила крылья, будто потягиваясь, и тяжело полетела к роще, над которой уже разливался алый закат. Маленькое белое перышко опустилось Тиль на плечо, она сняла его, задумчиво покрутила в пальцах и выбросила. Когда перышко спланировало к пятну талого снега, Тиль уже была в машине.

* * *

Вечером, не выдержав, она все же набрала номер Рема.

– Это я, – сказала в трубку. – Рем, что происходит?

– А что происходит? – спросил довольный мужской голос. Послышались музыка, женский смех.

– Я никогда раньше не работала в паре с магом! – Как Тиль ни пыталась говорить спокойнее, раздражение прорвалось в ее голосе.

– А, ты уже познакомилась с Лансом? – понял Рем. – Отличный парень оказался. Я тебе, пожалуй, выпишу премию за то, что ты его откопала. Или даже знаешь

что – разрешение на внеочередное магическое вмешательство второго уровня.

– Какая щедрость, – пробормотала Тиль. – Я могу ему доверять?

– Доверять никому нельзя, Тильда. Но я видел его крылья. Он точно не темный маг, несмотря на то, что с ним произошло. Съездишь, развеешься, там вроде ничего сложного. А он так хотел познакомиться с тобой поближе. – Произнеся это, Рем шумно глотнул.

– Что вы пьете? – с подозрением спросила Тиль. – Рем, вам не стоит увлекаться спиртным. Третья замена печени за сто лет может…

– Все, пока, Тильда, – перебил ее Рем. – Получила задание – выполняй. У тебя долг перед Орденом, не забыла?

В телефоне пошли короткие гудки, и Тиль бросила мобильник на кровать, взъерошила волосы. Она не хотела уезжать из своей квартирки. Здесь она знала и любила каждую мелочь: мягкое поскрипывание дубовых половиц, россыпь солнечных зайчиков на стене, отражающихся от хрустального шарика на подоконнике, тихий свист закипающего чайника.

Она любила пить кофе на балконе, опираясь на шершавые перила, которые сама выкрасила в белый. Последний этаж, выше только небо. Любила почитать перед сном в уютном кресле или понежиться в теплой ванне с ароматной пеной.
А уезжать из дома – терпеть не могла.

– Ульрих! – позвала Тиль.

Тролль явился, застыл у порога, закрыв весь дверной проем, и она протянула ему новую куртку.

– Примерь.

Ульрих с готовностью просунул ручищи в рукава, а Тиль, встав на цыпочки, натянула куртку на плечи.

– Вроде как раз, – оценила она, заботливо расправляя воротник. – Не жмет?

– У, – ответил тролль.

– Нравится? Зеленый цвет, твой любимый.

Тролль улыбнулся, продемонстрировав широкие щербины между зубами, толстый нос сморщился складками на переносице.

– Смотрится отлично, – одобрила Тиль, отступив на шаг. – Повернись.

Ульрих грузно повернулся спиной, и Тиль оборвала этикетку.

– Завтра отправляемся на задание. Собери вещи, – приказала она. – И не забудь зубную щетку, как в прошлый раз. – Тиль добавила голосу строгости. – Я проверю.

Ульрих промычал что-то в ответ и пошел в свою комнату, а Тиль вытащила из-под кровати небольшой чемодан, открыла его и раздраженно посмотрела в пустое нутро.

Хоть бы намекнул, что за дело. Бесит! Глаза эти разные… Еще и рыжий!

Вздохнув, она вынула из шкафа несколько тонких свитеров и бросила их в чемодан.

* * *

Резкий звонок, раздавшийся утром, прозвучал так неожиданно, что Тиль, дернувшись, пролила кофе на балконные перила. Пошарив в кармане махрового халата, надетого поверх сорочки, нашла одинокий носок, забившийся туда, по-видимому, при стирке, досадливо промокнула им капли и, спрятав его назад, пошла в прихожую с полупустой чашкой в руках. Кто знал, что дверной звонок такой резкий? Кто знал, что он вообще у нее есть?

Ульрих уже открыл дверь, и Ланс просочился внутрь, вручив троллю длинную черную рыбину, которая мгновенно завоняла на всю квартиру.

– У! – восхищенно выдохнул Ульрих, принюхиваясь.

– Точно – угорь. Копченый, как ты любишь, – заявил Ланс, по-свойски похлопав тролля по плечу. – Значит, здесь вы живете. Как интересно. – Забрав чашку из рук Матильды, отхлебнул. – Крепкий, без сахара, но с молоком. Мне нравится.

Сунув чашку ей в руки и скинув ботинки, заляпанные весенней грязью, он стремительно пошел вглубь квартиры, оставив Ульриха и недоумевающую Матильду в прихожей.

– Эй, ты куда! – запоздало возмутилась она и, отдав чашку троллю, поспешила следом. – Стой! Сейчас же!

Она обнаружила его в своей спальне – гость крутил в руках хрустальный шарик.

– Иди прочь из моей квартиры, – выпалила Тиль, выхватывая шар, – я тебя не приглашала.

– А я и не вампир, – ответил Ланс, наблюдая за тем, как она ставит шарик на подоконник. – Мне, чтобы войти, приглашение не требуется. Матильда, я должен узнать тебя, чтобы понять, что тебе нужно.

– Мне нужно, чтобы меня оставили в покое, – пробурчала она, найдя наконец то самое место для шара, где солнечные зайчики от хрустальных граней рассыпались по стене веером.

– Я хочу сделать для тебя артефакт, – признался Ланс. – Что-то особенное. То, что надо именно тебе.

– Ты артефактор? – искоса глянула на него Тиль.

– Удивлена?

– Немного. Я всегда считала, что артефакторы спокойные, выдержанные, с высокой способностью к концентрации…

– Когда я чем-то занимаюсь, то отдаюсь этому полностью… – ухмыльнулся он. – Если ты понимаешь, о чем я.

Он шагнул к Тиль и, слегка сдвинув ворот ее халата, подцепил пальцем тонкую бретельку сорочки.

– Знаешь что, Ланс, – сказала Тиль, отталкивая его руку, – в гробу я видала и тебя, и твою благодарность! То, что я тебя откопала, было чистой случайностью. Землю с могилы использовали для порчи, в результате произошло заражение бубонной чумой, что привлекло внимание ковена. Я собиралась сжечь кости, чтобы очистить место захоронения.

– Но ты меня не сожгла, – заметил Ланс.

Он подошел к стене, на которой плясали брызги солнечного света, отраженные от хрусталя, зачем-то потрогал их. Ланс выглядел таким неуместным в ее белой спальне – в кожанке и драных джинсах. А носки! Тиль едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Где он только откопал такую расцветку – ядрено-малиновые, в зеленую полоску.

– Ты подавал признаки жизни. – Тиль невольно передернула плечами.

– И что с того? Выглядел я, должно быть, отвратительно. Добила бы беднягу.

– Насилие не в моей сути, – сказала она.

– Вот как? – оживился Ланс, разные глаза с интересом посмотрели на Матильду. – А что у тебя за суть? Признаюсь, я исследовал твое досье от и до…

– Рем дал тебе мое досье?! – ахнула Тиль.

– Я сам взял, пока он лежал в отключке в процессе, скажем так, тюнинга, – как ни в чем не бывало пояснил Ланс. Он подошел к книжному шкафу, провел пальцами по корешкам и вытащил наугад книгу. – Но я так и не понял, как вышло, что целитель третьей категории – значит, довольно посредственный, уж прости, – является личным врачом главы Ордена.

– У меня нежные руки, ты сам сказал, – ответила Тиль, забирая у него книгу и возвращая ее на полку. – А теперь выметайся. Подожди меня внизу, у подъезда.

– Правда, в конце той строки стояла звездочка. Крохотное примечание, – невозмутимо продолжил Ланс. – Первый уровень секретности. Конечно, я попытался попасть в архивы, но…

– Церера, – расплылась в довольной улыбке Тиль.

– Она, – кивнул Ланс. – Непрошибаемая тетка. Как я ни пытался к ней подкатить – каменная стена.

– За глаза ее зовут Цербером, – сказала Тиль.

– Возможно, она и была им в одной из прошлых реинкарнаций. Раз уж мне не удалось попасть в архив, может, сама расскажешь свои секреты, Матильда?

– Воздержусь, – ответила она.

Ланс повертел головой, рассматривая просторную комнату и чистые белые стены.

– Что ж, судя по всему, к материальным благам и роскоши ты практически равнодушна, так что артефакт должен приносить что-то невещественное…

Вздохнув, Матильда вытолкала гостя за порог и захлопнула дверь спальни.

Одевшись и закрыв балконную дверь, Тиль положила в чемодан дорожную косметичку и последние мелочи. Когда она выкатила чемодан из комнаты, услышала голос Ланса, доносящийся из кухни.

– …а ты останешься на хозяйстве. Будешь наводить порядок, хотя у вас тут и так стерильно, как в больнице, поливать цветы. Кстати, какие цветы любит Матильда? Я буду называть, если угадаю, скажи «у». Понял?

– У.

– Ульрих едет с нами, – заявила Матильда, заходя на кухню. – И я не люблю цветы. Хотя если это заставит тебя исчезнуть – дари. Любые.

Ланс сидел на стуле у окна, которое было распахнуто, Тиль догадывалась кем. Его волосы на солнце сияли рыжим, а ухмылка казалась еще наглее, чем обычно. Ульрих наморщил брови, уловив раздражение в ее голосе и пытаясь понять – что не так. Тролль задумчиво посмотрел на рыбий хвост, зажатый в лапе, потом лицо его прояснилось, и он протянул хвост Матильде.

– Спасибо, я не хочу. – Она похлопала Ульриха по плечу, и тот, закинув хвост в рот, с хрустом его разжевал.

– Ульрих не поместится в мою машину, – слегка растерялся Ланс.

– Поедем на моей, – ответила Тиль. – Пора бы и рассказать, кстати, куда мы едем и зачем.

– У меня есть предложение, – сказал Ланс, поднимаясь со стула.

Тиль демонстративно закрыла окно, отчего Ланс едва заметно поморщился, и поправила занавески.

– Ты поедешь со мной, – продолжил он, – а Ульрих за нами следом. Ты ведь умеешь водить машину? Вот какой молодец! – обрадовался Ланс, когда тролль кивнул. – А по дороге я введу тебя в курс дела.

– Может, просто дашь мне папку с материалами? – предложила Тиль.

– Я ее потерял.

Ланс виновато улыбнулся и беспомощно развел руками, но Тиль готова была поклясться, что он врет.

* * *

Машина Ланса, припаркованная рядом с джипом Тиль, оказалась спортивным черным родстером, вокруг которого уже собралась любопытная детвора. Ульрих погрузил чемодан и свою сумку в багажник джипа и, сев за руль, отодвинул сиденье до упора. Настроив зеркала, мигнул фарами.

Ланс галантно открыл перед Тиль дверцу, пропуская в светло-бежевое нутро салона, быстро обошел машину и сел на водительское место.

– Что мне дико нравится в вашем мире – так это машины, – доверительно сказал он, поворачивая ключ зажигания. Мотор заурчал, как довольная кошка. – У меня когда-то был конь: черный, резвый, норовистый. Я звал его Громом и думал, что нет ничего быстрей его. – Автомобиль тронулся и плавно поехал, Ланс поправил зеркало заднего вида, в котором отражался джип Матильды с угрюмым троллем за рулем. – Так вот, конь по сравнению с автомобилем сосет.

– Конь, – повторила Тиль. – Сосет.

– А что, разве у вас так не говорят? – спросил Ланс. – Я полгода только и делал, что смотрел фильмы – кстати, это потрясающе! Живая картинка, люди двигаются, разговаривают, поначалу я был уверен, что это какая-то крутая магия иллюзий! Из кинематографа я почерпнул массу современных выражений.

– Боишься, что тебя посчитают старомодным?

– Хочу наверстать упущенное.

– И лучший способ – это сидеть и пялиться в телик? – не удержалась от шпильки Матильда.

– Вообще-то я лежал, – уточнил Ланс. – Из гроба меня перенесли прямиком в креатокамеру. Восстановление заняло довольно много времени: органы, нервные окончания, кожа, кровоток… Зато теперь у меня нет шрамов, а до гроба я успел изрядно попортить свою шкуру. И вообще – я полностью укомплектован, как ты могла заметить. – Он ухмыльнулся уголком рта и нажал кнопку на приборной панели.

Сзади что-то зажужжало, и крыша автомобиля медленно поехала назад, стекла опустились. Ветер взметнул волосы Матильды, хлестнув прядями по лицу. Она повернулась к Лансу и пристально на него посмотрела.

– Отличный профиль, правда? – спросил он, почувствовав ее взгляд. – Ровный нос, твердый подбородок. И неправильный прикус совсем не заметен, что бы ты там ни говорила.

– Ты не пристегнул ремень безопасности, – заметила Матильда.

– Не люблю, когда меня что-то связывает, – поморщился он.

– Ты беседовал с психологом? – спросила Тиль.

– А то! – воскликнул Ланс. – Знаешь, когда мне вырастили язык, гортань и все остальное, мне дико хотелось общаться. Я просыпался от того, что разговаривал во сне. Это так круто – иметь возможность выражать свои мысли вслух, задавать вопросы, петь… – Он включил магнитолу и тут же подхватил легонький мотивчик популярной песни.

– И что с психологом? – вернула его к теме Тиль, уменьшив громкость.

– Поначалу она горела энтузиазмом и собиралась вытащить из меня всю подноготную, но потом сдалась. Психолог от меня отказалась. И даже написала жалобу.

– За что?

– За то, что я ее преследую. Мне запретили подходить к ней ближе чем на сто метров.

– Где выдают такие запреты?

– Хочешь побыть моим психологом? Давай так: ты задаешь мне вопрос, я отвечаю на него, а потом я спрашиваю тебя.

– И зачем мне это? – Пожав плечами, Матильда отвернулась.

Солнце грело макушку, тепло целовало щеки, и ехать в машине без крыши оказалось на удивление приятно. Тиль выставила руку в окно, растопырила пальцы, ловя потоки воздуха. Она вдруг поняла, что улыбается, хотя особых причин для этого не было.

– Брось, Матильда, неужели тебе совсем не любопытно? Тебе не хочется ни о чем меня спросить?

– Как ты получил бессмертие? – повернулась она к колдуну.

Ланс сжал руль крепче, посмотрел в зеркало заднего вида, проверяя, не отстал ли Ульрих.

– Странно, все маги, с которыми я успел познакомиться в Ордене, первым делом спрашивали, за что меня закопали.

– Ну, я немного поняла твой характер, и как раз этот факт твоей биографии меня не удивляет. Наверняка было за что. Я лишь надеюсь, что Рем не окончательно сошел с ума и не дал мне в напарники маньяка. Так как ты стал бессмертным?

– Моя мать окунала меня в воды священной реки, – ответил Ланс. – Однако она держала меня за пятку, так что фактически я не бессмертен…

– Тоже мне, Ахиллес, – перебила его Тиль. – Не хочешь – не говори. Я, в отличие от некоторых, уважаю частную жизнь и не нарушаю личные границы.

Ланс был прав: хоть Матильда и не хотела признаваться самой себе, но ее разъедало любопытство. Даже если бы Рема, обмотав цепями, закопали в железном гробу с запирающим знаком на крышке, то он умер бы, самое позднее, лет через пять. Но, похоже, Ланс тоже не готов раскрывать свои секреты.

Нахмурившись, Тиль отвела взгляд и вдруг заметила коричневый уголок знакомой тисненой бумаги, прижатый бардачком.

– Материалы дела! – воскликнула она, вынимая папку.

– Так вот они где! – удивился Ланс.

– Ты отвратительно врешь, – пробормотала Тиль, переворачивая страницу. – Итак, мы едем в пансион для девочек, – сказала, пробежав взглядом текст на коричневом листе. – Который находится вблизи Либеморта.

Виски заломило от боли, стоило ей произнести название вслух.

– Бывала там? – спросил Ланс.

– Неделю назад над пансионом выпал дождь из рыбы, – прочитала Тиль, оставив без внимания вопрос колдуна.

– Карасики, – уточнил тот. – Размером с ладонь. Я таких в детстве на удочку ловил.

– Легкое искажение магического фона, – продолжила Тиль. – Возможно, девочки гадали, мог случиться спонтанный всплеск магической энергии, даже если среди воспитанниц нет одаренных. По статистике лишь один из пятисот тысяч имеет магические способности.

– Почему бы одному из них не затесаться в пансион? Я ставлю на то, что там молодая неинициированная ведьма. Ух, молодые ведьмы – это отдельный вид прекрасного. – Ланс разве что не облизнулся. – Красивые, горячие…

– Учащиеся в пансионе хоть совершеннолетние? – осадила его Тиль. – Иначе ты рискуешь опять получить ограничение свободы.

– Знаешь, в вашем мире многое переменилось, – укоризненно произнес Ланс. – И не все к лучшему. Взять хотя бы лимиты на колдовство, выставленные Орденом. Да, мне рассказали об открытии: возмущение магического фона отражается на физическом уровне. Но ведь лимиты – это почти как добровольная кастрация!

– Ты так считаешь, потому что пропустил и Большой разлом, который произошел после дуэли двух магов, и бешенство пчел – результат шабаша. Отлежался в тихом месте.

– Ты злая, – не оценил ее шутку Ланс. Он механически потер шею и поморщился. – Может, ты все же ведьма. Хотя я сильно сомневаюсь.

– Что, не красивая и не горячая? – не удержалась Тиль.

– Во-первых, ты не молодая.

– Ну спасибо.

– Внешне – да, больше двадцати тебе не дашь. Хотя глаза выдают возраст. Но твоему досье шестьдесят три года. А во-вторых, раз мы выяснили, что тебе наверняка много лет, то, как у любой ведьмы, должно было произойти искажение внешности. И что мы видим?

– Что? – нахмурилась Тиль.

– Ни удлиненных клыков, ни кривых пальцев – ничего. Даже волосы не вьются!

– Может, у меня есть маленький горбик.

– Нету. Ты не ведьма, Матильда.

– Как скажешь, – ответила она.

– Если бы ты открылась мне, как я тебе… – начал он.

– Даже не надейся, – покачала головой Тиль.

– Тебе всего-то надо произнести заклинание. Желательно голенькой, – широко улыбнулся он. – Я увижу твою ауру, цвет и форму крыльев и пойму, что ты из себя представляешь. Так мне будет проще придумать артефакт, чтобы отблагодарить тебя за свое чудесное спасение.

– Вот так чудо – всего-то и понадобилось, что лопата, – буркнула Тиль. – Кстати, ты натолкнул меня на мысль: возможно, чьи-то останки были потревожены. Дождь из рыбы мог пойти из-за пробуждения призрака.

– Разберемся, – кивнул Ланс. – Останки сожжем, призрака упокоим, ведьму привезем в Орден и вручим на воспитание Рему. Кстати, в пансионе девушки живут до восемнадцати лет. Так что если бы я вдруг захотел закрутить роман, то не нарушил бы ваше законодательство.

– Наше, – поправила его Тиль. – Это наш мир, наше законодательство, наши правила и ограничения, которые ты тоже должен соблюдать.

– Сейчас надо решить вопрос поважнее, – отмахнулся Ланс. Он свернул с трассы к придорожному кафе и припарковался. – Я голоден, – пояснил в ответ на недоуменный взгляд Матильды.

Ланс обошел машину, чтобы открыть дверь перед Тиль, но она уже сама вышла.

– Подожди, – попросила, глядя, как на парковку заезжает серый джип. Ульрих аккуратно припарковался рядом с кабриолетом, и Матильда шагнула к Лансу, обняла его за шею. – Расслабься, – прошептала она, глядя ему в глаза. – Ты мне доверяешь?

– Да, – ответил колдун без запинки. Разные глаза – серый и с вкраплениями голубого – смотрели на нее серьезно.

– Это странно, – на мгновение задумалась она. – Сейчас будет больно.

Крепко сжав его шею, Тиль резко дернула вверх и вправо, раздался хруст.

– Ай! – выкрикнул Ланс, но ее ладони уже разжались.

– Все, позвонок стал на место, – сказала Матильда, беря подошедшего к ним тролля под руку и направляясь к входу в кафе. – Ульрих, купить тебе вишневый пирожок?

Ланс пощупал шею, хмыкнул, покрутив головой и пошел следом.

* * *

Матильда тайком наблюдала за колдуном, который вел машину так уверенно, будто за плечами у него было как минимум лет двадцать водительского опыта. Его левая рука, на мизинце которой тускло поблескивал серебряный перстень, лежала на руле, правой он держал надкушенный гамбургер. Кажется, пятый. Тиль сбилась со счета. Ланс ел гамбургер, иногда жмурился от удовольствия, вел машину, мычал в такт незатейливой песенке, что лилась из магнитолы, и иногда «пританцовывал», покачивая головой. Воплощенная радость жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/yaroshinskaya_ol-ga/kryl-ya-kolduna

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить